

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем томе публикуются 20 последних следственных дел декабристов, преданных Верховному уголовному суду. Следственные дела декабристов, осужденных без приговора Верховного уголовного суда, будут опубликованы в следующих томах. 17 из следственных дел настоящего тома относятся к участникам восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге или непосредственной подготовки восстания (участие в собраниях у К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского и т. п.). Поэтому XV том «Восстания декабристов» в основном дает свидетельства о кануне выступления 14 декабря и, главное, о самом его ходе.

В томе нет следственных дел «первостепенных» участников восстания, близких к его руководству, но дело не в этом. Так случилось по ходу учета материалов следствия, что тут собраны дела в какой-то степени «рядовых» участников выступления 14-го декабря, частью, что очень интересно, даже не бывших членами тайного общества. Тем не менее, их показания нередко дают ценный материал, несут в себе ряд свидетельств о важных сторонах восстания.

Бросается в глаза прежде всего значительное количество следственных дел моряков-декабристов — они занимают около трети всего тома (7 следственных дел). К ним относятся дела лейтенанта Гвардейского морского экипажа Бодиско 1-го, мичмана того же Гвардейского экипажа Бодиско 2-го, лейтенанта Гвардейского экипажа Михаила Кюхельбекера — родного брата лицейского товарища А. С. Пушкина Вильгельма Кюхельбекера; к этой же группе принадлежат дела четырех лейтенантов Гвардейского экипажа — Акулова, Вишневого, Мусина-Пушкина и Чижова (последний числился по команде, находившейся в Кронштадте).

За исключением лейтенанта Чижова, признавшего свое членство в Северном обществе, все остальные из перечисленных участников отрицали на допросах свою принадлежность к тайному обществу и были в известной мере правы: некоторые из них относились к другой, самостоятельно возникшей среди моряков Гвардейского экипажа тайной политической организации¹, действовавшей сначала вне контактов с декабристскими обществами, хотя были очень близки к ним по духу, идеологии и пониманию революционных задач. Они присоединились к членам Северного общества накануне и частью в самый момент выступления. Действовали они 14 декабря совместно, и участие в восстании членов общества Гвардейского экипажа повысило активность моряков на Сенатской площади². За исключением Чижова, остальные шестеро из указанной семерки решительно отрицали свое членство в каком бы то ни было тайном обществе и знание его целей, — объективно же они вложили свою волю, свою деятельность в общее дело. Сведения, собранные по особому следствию, произведенному «наряженной при экипаже следственной комиссией», показали, что Бодиско 1-й во время

¹ Шешин А. Б. Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже. — В кн.: Исторические записки, т. 96. М., 1975, с. 107—127.

² Остается под вопросом связь с указанным обществом моряков Гвардейского экипажа лишь у Михаила Кюхельбекера и Федора Вишневого. Ср. Шешин А. Б. Указ. соч., с. 124.

событий при экипаже был, что он в матросах «посеял ответами своими сомнение» в справедливости новой присяги; командиру бригадою и даже командиру экипажа он «возражал перед баталионом вместе с прочими возражавшими». А когда матросы-гвардейцы ринулись на Петровскую площадь («побежали со двора казарм»), то и Бодиско «бросился за ними». Бодиско 1-й, утверждая, что решительно не знал о целях общества, в дополнение показания добавил все же, что предполагалось послать «во все губернии за депутатами, предложив для сего господам сенаторам подписать указ». Такого не выдумать,— очевидно, конституционные планы и решение о созыве учредительного собрания были ему известны. Со своим подразделением Бодиско 1-й оставался на площади до конца и не увел солдат. Решительно отрицая показания об его участии в событиях, Бодиско 1-й занял в основном ту же позицию, которой стремились придерживаться и прочие участники его группы, в том числе и его брат мичман Бодиско 2-й. «Вины» последнего были вне сомнения — он участвовал в агитации среди морского экипажа перед выступлением на площадь, дал разрешение пропустить в казармы П. Каховского, который был послан в экипаж, чтобы содействовать выводу моряков на площадь. Любопытен ответ Бодиско 2-го на один из типичных вопросов анкеты «о воспитании», в котором спрашивалось о происхождении «свободного образа мыслей» и о том, кто способствовал «укоренению» их: «Какова способность мышления мне дарована от всевышнего творца, то оную сохраняю до сей минуты, ибо я не заимствовал ни от какого общества, никем не был научаем и не читывал книг, могущих учиниться для меня вредными». В дело Бодиско 2-го включено важное показание декабриста Дивова с данными о Н. С. Мордвинове и его отношении к декабристам. Как и в деле брата, в личных ответах преобладает отрицание всего, могущего служить обвинением, однако самый факт выхода с войсками на Сенатскую площадь вырисован реально и с рядом подробностей.

Дело Михаила Кюхельбекера, также заявившего о своей непринадлежности к тайному обществу, является документом несомненного участника восстания. Оно, как и предыдущие, не содержит очных ставок и не занято выяснением точности показаний,— очевидно, вследствие отрицания принадлежности к организации. В силу этого приобретают особое значение, как и в деле Бодиско 1-го, «сведения», доставленные о нем из Гвардейского экипажа, обычно бывшие результатом массового опроса офицеров и рядовых. «... Как вы хотите, ребята, так и поступайте», — узнаем мы из документа его позицию о присяге. Однако, когда матросы двинулись на площадь, лейтенант Кюхельбекер «сам спросил, есть ли с собой боевые патроны, и когда получил в ответ, что «нет», то послал было за оными какого-то Гвардейского экипажа мастерового с ключами от цейхгауза...» Узнаем отсюда же, что Оболенский встретил матросов на площади, Кюхельбекер вместе с Мусиным-Пушкиным и Арбузовым, увидев его, закричали: «Ура!» и «представили баталиону как старшего начальника над оным» — свидетельство примечательное. Далее «все трое и Бодиско 1-й с некоторыми во фраках, встретив митрополита, не допустили его до баталиона». Это также показывает немедленно найденную общую позицию у Михаила Кюхельбекера с таким активным участником общества Гвардейского экипажа, каким был Арбузов. «Недопущение» митрополита к батальону — выразительная акция восстания. Опрос матросов показал, что Кюхельбекер говорил в конце: «Что уж, то так и делайте и не сдавайтесь, но стойте смирно». Все это, разумеется, или отрицалось подследственным на допросах или объяснялось в ином духе. Но в общий ход восстания М. Кюхельбекер вложил свою долю.

Короткое дело лейтенанта Акулова не содержит прямого перечня показаний при позднейшем опросе в экипаже, но имеет «Свод показаний», ссылающийся на этот не приведенный в деле документ. Из «сведений, доставленных от командующего Гвардейским корпусом» (их текста в деле нет), видно, что отрицавший, как и прочие, во всем свою вину Акулов «по показаниям нижних чинов его роты (весьма, однако, немногих) обвиняется ... в возбуждении сомнения насчет

точности и действительности акта отречения». Со своею ротой он вышел на Петровскую площадь вместе с восставшими моряками. Вину свою Акулов увеличил еще более, «когда и сам столь много возражал командующему бригадой генерал-адъютанту *Шипову*». Еще одним отягощением вины явилось то, что «он был в числе подававших свои сабли командиру, когда надобно было арестовать одного *Вишневого*». В этой форме морские офицеры выразили свой протест против ареста Вишневого.

В «Сведениях о Вишевском, из Гвардейского экипажа доставленных», мы узнаем, что, собрав роту поутру 14 декабря, Вишевский агитировал против новой присяги и призывал не присягать Николаю. Сверх того приказывал фельдфебелю достать боевые патроны. Командующему бригадою он возражал «сильнее прочих» и даже осмелился требовать для своего убеждения оригинального акта отречения, за что «был отделен от батальона» (тут начальство и хотело его арестовать, но не пришлось). На Сенатскую площадь он вышел вместе с батальоном и ротой «и виден был во все время на площади». Добавим: был там и под картечью (это видно из его собственного свидетельства), которая, видимо, сильно обрушилась на его роту. Его активность перед выходом и во время самого выхода на площадь очень велика.

Дело лейтенанта Гвардейского экипажа Мусина-Пушкина, также якобы не знавшего «никакого тайного общества» (он связан с обществом в Гвардейском экипаже) и полностью отрицавшего свою вину, также содержит «сведения», собранные в его воинской части по следствию, «производимому наряженною при экипаже следственной комиссиею». Он в казармах поставил «рано поутру» 2-ю роту, которой командовал, «во фронт» и обратился к ней с призывом не присягать Николаю, после чего распустил роту. На площадь вышел вместе с ротой. Вместе с другими он не допускал митрополита до восставших матросов. На следствии Мусин-Пушкин решительно отрицал свою вину, связь с каким бы то ни было обществом, отрицал даже вообще свой «свободный образ мыслей». С обществом в Гвардейском морском экипаже, он, несомненно, связан³. Приговоренный по решению Верховного уголовного суда к лишению чинов и написанию в рядовые до выслуги, с определением в дальние гарнизоны, он, однако, не был лишен дворянства. Перед переводом в полки Кавказского корпуса Мусин-Пушкин успел заехать в свое имение и объявить крестьянам, что отпускает их на волю, — предание об этом живо до сих пор в деревнях, некогда ему принадлежавших. Реализация отпуска на волю, однако, не состоялась, да, по-видимому, и не могла бы состояться при тех условиях, так как требовала больших хлопот и времени, которого не могло быть у разжалованного офицера, ссылаемого рядовым на Кавказ⁴. Особняком стоит последнее в данном томе дело моряка Н. А. Чижова. Личность его интересна. Участник одной из ранних арктических экспедиций, плавания Ф. П. Литке в 1821 г. к Новой Земле, он участвовал в первом научном описании ее берегов. Его статья «О Новой Земле» появилась в 1823 г. в «Сыне Отечества». Незаурядный поэт, Н. А. Чижов позже отразил в своих стихотворениях образы якутского эпоса («Нуча»). Принятый незадолго до восстания в Северное общество декабристов Н. А. Чижов первый прорвался в Гвардейский морской экипаж с сообщением о том, что восставший Московский полк уже находится на Петровской площади. Это сообщение было взрывчатым зарядом, двинувшим на восстание Гвардейский морской экипаж, положившим почин его движению. Когда моряки ринулись на площадь, Чижов был вместе

³ Заметим также, что он принадлежал к петербургской масонской ложе «Российский Орел».

⁴ Сведения об этой попытке освобождения крестьян Е. С. Мусиним-Пушкиным дошли до меня лишь в дни 150-летия восстания декабристов в письме из тех мест, где находилось его имение. Запросив подробности, я получила новую версию неудачи освобождения: крестьяне будто бы сами не захотели освобождения, боясь, что в этом случае их «некому будет защищать». Возможно, что произвели впечатление арест и ссылка барина. При всех условиях, намерение декабриста перед отъездом рядовым на Кавказ освободить крестьян своего родового имения (род Мусиных-Пушкиных был знатен) очень любопытно.

«с ними почти до конца восстания. «В тайное общество вступил я единственно из любви ко благу моих соотечественников», — свидетельствует он на допросе. Ясно говорит он и о целях общества. Они состояли в том, «чтобы ограничить самодержавие по примеру других европейских народов, облегчить участь низшего класса людей и доставить им средства пользоваться благами, доставляемыми просвещением». Его язык ясен и чист, чувствуется работа поэта над словом. Этим его дело выделяется из ряда других. Убежденность соединена в нем с пониманием готовности общественных сил к открытому выступлению при общей поддержке: «Общество могло надеяться, что народ и войска поймут собственные свои пользы и будут его подпорою и что все благомыслящие люди примут в сем деле участие, хотя бы к обществу и не принадлежали». Чижов был другом Петра Бестужева и принят им в общество. Очевидно, условно говоря, инициативная, зажигательная роль в момент выступления моряков на площадь в совокупности с высоким и убежденным пониманием целей тайного общества произвели особое впечатление и на следствие, и на Верховный уголовный суд, который осудил Чижова на вечное поселение в Сибири (срок сокращен Николаем I до 20 лет) — Чижов казался им особо опасным.

Далее надо перейти к группе дел тех декабристов, которые принадлежали к полкам, на участие которых члены тайного общества рассчитывали, но которые так и не выступили. Казалось бы, такие полки (не выступившие!) не вложили своей доли в восстание, однако дело обстоит гораздо сложнее. В некоторых случаях деятельность отдельных членов таких полков сыграла в восстании свою роль, в иных случаях — немалую. На первом месте стоит не член тайного общества, но активный участник событий — поручик лейб-гвардии Финляндского полка барон Розен. Втянутый в круговорот происходящего, Розен стал участником совещаний у Рыльева и Оболенского, на которых говорилось о возможности поднять солдат. На допросах же он решительно отрицал у себя «свободный образ мыслей». Товарищ Рыльева по корпусу, пользовавшийся полным его доверием, он вовлекался в события самим их ходом. В день 14 декабря, уже присягнув Николаю I, Розен, одевшись, чтобы ехать во дворец, и приблизившись к Исаакиевскому мосту через Неву, убедился, что восстание на Сенатской площади уже началось. Здесь он увиделся с руководителями. Вернувшись в казармы, он застал свой полк выходящим из казарм, и, встав во главе своей роты (полк пехотный, стрелковый), он двинулся к площади. Далее намерения командира Розена, знающего о замысле и цели восстания по совещаниям у Рыльева и по встречам на самой площади, смешиваются с настроением солдат полка, колебавшихся, принять ли участие в восстании. На Исаакиевском мосту приказано было зарядить ружья (для разгона восставших!) и затем идти вперед. Первый — гренадерский — взвод, как показывает Розен, «пришел в замешательство», а следующий за ним (его, Розена!) взвод кричал: «Стой!» Сам Розен отдал приказ «Стой!» своему взводу, когда почувствовал настроение солдат: поддержать тех, кто восстал на площади, — таков ясный подтекст его первого показания. Остановка роты задержала все последующее движение полка, который так и остался стоять на Исаакиевском мосту. Та часть полка, которая могла бы (и отчасти хотела) двинуться вперед и занять место в рядах войск Николая I, подавляющих восстание, не была пропущена. Решение Розена остановить полк на мосту требовало сильной воли и ясного сознания необходимости помочь восставшим. Так действия этого «нечлена» тайного общества стали элементом существенной помощи восставшим: «...ружейные пули начали до нас долетать и причинили некоторый беспорядок; но я людей своих остановил, сказав им, что имею жену беременную, но что за всем тем охотно собою жертвую и стою перед вами».

Дальнейшие допросы подтверждают, что Розен после принесения присяги «был в каре мятежников» (в тот момент на площади был только первый восставший полк — Московский) и что «они» (Розен), «бросаясь в каре оных, пробыв там несколько минут, а потом поспешно отправились в полк свой». Впервые

публикуемое дело Розена дает возможность многочисленных сопоставлений с опубликованными им мемуарами, что могло бы быть специальной темой интересной исследовательской работы. Дело Розена — одно из наиболее подробных и богатых по содержанию в данном томе.

Измайловский гвардейский полк был одним из тех, на кого рассчитывали декабристы во время выступления. В полку было не менее девяти офицеров, связанных в той или иной форме с тайным обществом⁵. Дела четырех из них — подпоручиков Кожевникова, Фока, Лаппы и Андреева — печатаются в настоящем томе. Старшим в этой девятке был член Северного общества лейб-гвардии капитан И. И. Богданович, протестовавший против второй присяги и кричавший: «Константину!», когда полковой командир генерал Мартынов, читая присяжный лист, произнес имя Николая. После присяги полк был отведен в казармы, а капитан Богданович вернулся к себе на квартиру и застрелился: «лишил себя жизни после неустройства 14-го декабря», как повествует «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ», составленный для Николая I. Самоубийство Богдановича, видимо, дало возможность остальным измайловцам давать о себе более скупые показания и многое решительно отрицать. Наиболее обширен и важен для характеристики их поведения во время восстания документ, включенный в публикуемое дело Кожевникова, — донесение командира полка генерал-адъютанта Мартынова под заглавием «Подробное сведение о поступках арестованных офицеров лейб-гвардии Измайловского полка, участвовавших в возмущении 14 декабря». Измайловцы активно протестовали против второй присяги, вели агитацию среди солдат, для чего нарочно приходили в роты раньше ротных командиров. Некоторые требовали раздачи солдатам боевых патронов (в их числе Фок). «Во время присяги все они кричали «[Ура] Константину Павловичу!» и возбуждали людей к неповиновению, угрожая им сделать то же». Исключение полковой командир сделал лишь для Лаппы, оговорив неожиданный поворот дальнейшего хода событий: якобы ни в чем не замешанный Лаппа, находившийся еще на свободе 23 декабря, явился «во время арестования поручика Гангблова» к нему на квартиру и требовал, чтобы его самого, Лаппу, арестовали «и представили, куда следует», поэтому Гангблов и Лаппа были арестованы одновременно. В донесении приводится дословно разговор подпоручика Фока с разжалованным из унтер-офицеров солдатом-измайловцем, который утешал последнего словами: «Погоди, скоро будет перемена». Андреев показал, что «за несколько дней до 14 декабря Кожевников сообщил ему о существовании тайного общества, которого цель предприятия главнейшая сила есть войско, и как они есть верные сыны отечества, [то] должны помогать, что оно общество подкрепляется членами Государственного совета, Сената и многими военными генералами». Было также выяснено, что «Кожевников имел сношения с Оболенским и с ним, Фоком, и возили его к Каховскому». «Кожевникову разные наставления от тайного общества пересылались через Сутгофа». Показано, что Лаппа был членом общества «и приготовил к тому Кожевникова и Фока». Несомненно тесная связь измайловцев с Оболенским. Его пояснения, приводимые здесь же, чрезвычайно выразительны и конкретны. Оболенский говорил, что «мы полагаем не в праве присягать другому, доколе он жив. [Надо] требовать, дабы Сенат собрал представителей со всех губерний по примеру прежних всеобщих соборов и предоставил оному назначение императора и форму правления. До сбора же представителей предложить Сенату назначить временное правление из двух или трех членов Совета, в коем присоединить одного из членов общества для обеспечения их, назначить его правителем дел временного правления». Измайловцы были связаны с собраниями у Рылеева и Оболенского накануне восстания. И там, и тут был, например, Кожевников. Декабрист Назимов, кавалерист из Коннопионерного эскадрона, был связан с измайловцами. От

⁵ Вот их имена: капитан лейб-гвардии Измайловского полка Богданович, поручики Гангблов и Львов, подпоручики Андреев, князь Вадбольский, Кожевников, Лаппа, Малютин и Фок.

него Кожевников «в исходе прошлого лета» (очевидно, речь идет о лете 1825 г.) узнал «о существовании тайного общества, имеющего целью ввести в России конституцию». Знали измайловцы и о назначении диктатором Трубецкого («всем будет распоряжаться князь Трубецкой»). Последние данные включены в сводку Боровкова.

Из всего этого можно заключить, что в волнениях дня 14 декабря декабристы-измайловцы приняли участие агитацией среди солдат своего полка, протестами при принесении присяги. И совершали все это не в силу неосознанного порыва, но обладая сведениями о революционных целях тайного общества — о намерениях свержения старой власти и созыва учредительного собрания. Однако поднять свой полк на восстание им 14 декабря не удалось, присяга Николаю была принесена, и Измайловский полк оказался в стане императорских войск.

К числу полков, на которые рассчитывали восставшие 14 декабря, относился, как известно, и Кавалергардский полк, в котором было едва ли не самое значительное число членов тайного общества. Случилось так, однако, что полк этот не выступил, хотя и проявил значительные колебания при принесении присяги, накануне выхода других полков на площадь. Неожиданность событий сыграла тут свою роль. Ряд деятельных членов общества к тому же оказался в отпусках. К их числу принадлежит и ротмистр Захар Чернышев, родной брат поехавшей за мужем в Сибирь жены Никиты Муравьева, активный и весьма осведомленный член Северного общества. В нашем томе публикуется его дело. Вступив в организацию еще в 1823 г., он был в курсе ее идейной работы и тактических планов. Ему поставили в вину и знание цели о введении конституции (можно добавить — и известное знакомство с конституционными проектами), осведомленность (добавим — весьма хорошую и ясную) о тактических планах действий; он знал, что тайное общество будет действовать «силою оружия»; в случае сопротивления со стороны императора предполагается «уничтожить его особу», а заодно и весь царствующий дом. Отпуск спас его от участия в совещаниях у Рылеева, во время восстания он находился вне Петербурга. Заметим, что в иных условиях переход кавалергардов на сторону восстания дал бы восставшим пехотинцам первостороннюю конницу. По приговору Верховного уголовного суда Захар Чернышев был лишен чинов и дворянства и присужден к ссылке в каторжную работу на два года (позже срок по конфирмации уменьшен).

Отставной штабс-ротмистр Ахтырского гусарского полка Оржицкий (Оржитский, Оржинский), дело которого также печатается в настоящем томе, не считал себя членом общества (ему предлагали вступить, но он не согласился, это обстоятельство сыграло положительную роль при вынесении приговора). Однако он оказался у Рылеева накануне восстания, узнал о его замысле и о намерении действовать. Слышал он (будто бы только от Завалишина) о плане истребления всего императорского дома. Ясно, что на допросах требовали от него ответа, почему не донес. Он ответил, что гнушался именем доносчика. Пока что он выглядит сравнительно «тихим», как бы смешиваясь с довольно многочисленной группой знавших, но не донесших неучастников восстания. Но есть в других делах яркий штрих, который выделяет Оржицкого: в беседе с декабристами он лихо поделился планом огромной «экономической виселицы», на которой надобно повесить императора, а далее всех великих князей — одного к ногам другого. Образ запомнился и в разговорах декабристов упоминался с ссылкой на автора. Вероятно, лишь к доброй воле Боровкова надо отнести то, что в сводку преступлений Оржицкого этой «детали» не поместили, и, видимо, до Николая в решающий момент она как-то не дошла. Оржицкий отделался лишением чинов и дворянства и ссылкой рядовым на Кавказ.

В настоящем томе публикуются два любопытных дела о нечленах общества, оказавшихся участниками восстания, перешедшими из толпы на его

сторону. Это дело о некоем отставном статском советнике О. В. Горском, который, узнав, что на Сенатской площади «войска бунтуют и что чернь к ним пристала», пошел домой, переоделся в мундир, взял «для острастки» незаряженный пистолет, явился на площадь, спросил у И. И. Пущина, нет ли у него пороху, кричал с народом «Ура!» и держал в руках обнаженную шпагу. На площадь он приходил дважды. Посаженный сначала в Алексеевский рavelин, Горский позже был сослан в дальнюю ссылку в Березов. Второе дело — коллежского секретаря М. Н. Глебова — несколько отлично от первого. Он знал о существовании Северного общества и даже о цели его, однако в свое время членом его быть не захотел. Знал и о намерении его членов действовать 14 декабря. На площадь он явился, желая принять участие в восстании и имея в руках кем-то данную ему шпагу, стал в каре. Видя, что солдатам холодно («видя, что солдаты грелись»), он дал на площади 100 руб. для покупки солдатам вина. Он признавал за собою «свободный образ мыслей», сначала основанный на «чувстве любви к человечеству» и также на желании «блага земли родной». По суровому приговору Верховного уголовного суда Глебов осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке на каторжные работы на 10 лет. По окончании срока каторги, сокращенного до шести лет, он был в августе 1832 г. «обращен на поселение». Умер насильственной смертью — от побоев и отравления. Виновным оказался унтер-офицер этапной команды и ряд других замешанных в убийстве лиц.

Объединяя наблюдения, сделанные на основании перечисленных дел участников событий 14 декабря, мы приходим к выводу, что дела, публикуемые в XV томе, дают несомненный вклад в представление о дне восстания на Сенатской площади и обогащают опубликованную уже источниковедческую базу для его изучения.

Два дела, еще не рассмотренные, стоят вне дня восстания, — декабристов М. А. Назимова и В. С. Толстого в декабре не было в Петербурге, и в восстании они участия не принимали. Их дела интересны в плане изучения истории развития тайного общества и внутренних этапов его жизни. Первое из них — дело штабс-капитана лейб-гвардии Коннопионерного эскадрона Назимова, члена Северного общества с 1823 г. Он читал конституцию Никиты Муравьева и знал содержание южной конституции — республиканского проекта П. И. Пестеля. Интерес его к этим вопросам — ценная черта этого дела и свидетельство первоисточника об осведомленности членов тайного общества в конституционных проектах. Второе из указанных следственных дел — дело прапорщика Московского пехотного полка В. С. Толстого, мемуары которого изданы и комментированы⁶. Член Северного общества с 1824 г., он также знал о планах «ускорить кончину некоторых священных особ августейшей царствующей фамилии» и, очевидно, слышал об образовании «cohorte perdue» для совершения этого акта. Был несколько осведомлен и в делах сочинения конституционных проектов.

Последнее, публикуемое в данном томе дело — дело декабриста Николая Тургенева, широко известного и подробно изучаемого в декабристоведении. Судим он был заочно, поскольку находился во время восстания за границей и не явился по вызову Следственного комитета. Первое его письменное объяснение причин, по которым он не явился, и его отношений с тайным обществом находится в деле настоящего тома. Текст его известен, но публикация его в сочетании с документами, сопровождающими вызов, дает полное представление об обстановке возникновения этого письма и письма его брата, доставившего пересылаемый в Следственную комиссию текст.

⁶ Толстой В. С. Воспоминания. Публикация, вступительная статья и примечания С. В. Житомирской. — В кн.: Декабристы. Новые материалы. М., 1955, с. 5—136.

Разумеется, многие дела настоящего тома изучались историками в архивах и частью цитировались в исследовательских работах. Однако в целом почти все дела данного тома публикуются впервые ².

* * *

Текстологические приемы публикации дел в настоящем томе в основном те же, что и в предыдущих XII—XIV томах. Текст воспроизводится по современной орфографии и с современной пунктуацией, но с учетом особенностей языка и стиля документов. Ошибки и случайные опiski, не изменяющие смысла фразы, исправляются без оговорок. Прописные буквы также употребляются в соответствии с правилами, но в тех случаях, когда некоторые декабристы как бы подчеркивали или усиливали значение слова написанием его с прописной буквы (например, Революция, Республиканское правление), эта особенность в виде исключения сохраняется. Разночтения в написании фамилий и географических пунктов также сохраняются. Прямая речь заключается в кавычки. Пунктуация исправляется в тексте только в пределах каждой фразы. Подчеркивания, поправки в тексте, добавления над строкой отмечаются в подстрочных примечаниях. Подчеркнутый автором текст выделяется курсивом. Документы даны под двойными номерами: первый дан составителями тома, второй означает номер документа по архивной описи дела.

Том снабжен научно-справочным аппаратом, включающим комментарии к публикуемым делам декабристов, именной и предметно-географический указатели.

В связи с тем что XV том завершает издание следственных дел декабристов, преданных Верховному уголовному суду, к настоящему тому приложен поименный сводный указатель следственных дел и документов декабристов, содержащихся в I—XV томах документальной серии «Восстание декабристов».

Том подготовлен к печати сотрудниками Института истории СССР АН СССР. Тексты публикуемых следственных дел подготовлены кандидатами ист. наук А. И. Аксеновым и А. В. Семеновой. Комментарии к следственным делам написаны доктором ист. наук В. А. Федоровым.

Именной и предметно-географический указатели к XV тому составлены А. В. Семеновой, указатель к I—XV томам составлен канд. ист. наук С. В. Мироненко.

Академик М. В. Нечкина

² Исключение надо сделать для дела В. С. Толстого, опубликованного С. В. Житомирской вместе с воспоминаниями В. С. Толстого и его заметками на полях книги А. Е. Розена (там же).